

Яблонцева Ирина Викторовна

судья Буйского районного суда Костромской области

г. Кострома, Российская Федерация

buisky.kst@sudrf.ru

Становление и развитие законодательства о необходимой обороне

Статья посвящена истории возникновения и развития законодательства о необходимой обороне, в том числе в России. Сделан вывод о расширении в законодательстве понятия уголовно-правой нормы о необходимой обороне, которая является гарантией реализации конституционных прав граждан. В действующем уголовном законодательстве необходимая оборона рассматривается в качестве одного из обстоятельств, исключающих преступность деяния.

***Ключевые слова:** древнерусское право, история, необходимая оборона, развитие норм права, советское право, уголовное право.*

Yablontseva Irina Viktorovna,

judge of the Buisky district court of the Kostroma region

Kostroma, Russian Federation

Formation and development of legislation on necessary defense

The article is devoted to the history of the emergence and development of legislation on necessary defense, including in Russia. The conclusion is made about the expansion in the legislation of the concept of the criminal law norm on necessary defense, which is a guarantee of the realization of the constitutional rights of citizens. In the current criminal legislation, the necessary defense is considered as one of the circumstances precluding the criminality of the act.

***Keywords:** Old Russian law, history, necessary defense, development of legal norms, Soviet law, criminal law.*

Законодательно закрепленное право на необходимую оборону представляет собой реализацию в законе естественного права человека. Такое законодательное решение характеризует закон как справедливый и гуманный. В качестве института уголовного права необходимая оборона имеет давнюю историю, являясь одним из первых уголовно-правовых институтов. О праве на необходимую оборону говорилось с самых древних веков.

Уже древнеиндусское право законами Ману (1200–200 гг. до н. э.) четко формулировало правило об оправданном убийстве при защите от посягательства на чью-либо жизнь. Лишение жизни в качестве акта необходимой обороны разрешалось как для самозащиты, так и для защиты некоторых других лиц, а именно: женщины и браминов. Причем такого рода убийство считалось не только правом, но и обязанностью обороняющегося, которую он должен был выполнить без колебания. Вместе с тем оборона допускалась только в защиту жизни, о защите имущества в них ничего не говорилось [2].

По египетским законам оборона также была не только правом, но и обязанностью третьих лиц. По этим законам смертной казнью карался тот, кто видел убийство и не защитил, имея на то возможность. В случае невозможности помочь потерпевшему он должен был донести об этом судебной власти, при неисполнении чего подвергался телесному наказанию и трехдневному лишению пищи.

В Римском законодательстве XII таблиц также разрешалось убийство ночного вора. Кроме того, можно было убить вора, совершившего кражу днем и оказавшего вооруженное сопротивление при поимке. Таким образом, уголовное право Древнего Рима с исключительной откровенностью любыми средствами, вплоть до ничем не прикрытого насилия, защищало частную собственность и систему рабства и содержало некоторые особенности, резко отличавшие его от уголовного права других рабовладельческих государств.

«Бывают случаи, – говорил Цицерон, – и эти случаи не редки, когда человек имеет право жизни над себе подобным. И если это право справедливо, если оно когда-либо является необходимостью, то это в том случае, когда приходится силу отражать силою. Неужели, – далее говорил Цицерон, – смерть, которая поражает разбойника, убийцу, может считаться несправедливою?» [2].

Исторически интересными представляются следующие положения германского законодательства, относящиеся к необходимой обороне:

1) если убивший другого в необходимой обороне сам принесет его на суд, он считается совершенно правым и освобожденным от суда;

2) если он не принесет трупа, а явится один на суд, но раньше чем кто-нибудь успеет обвинить его в убийстве, то его нельзя присудить к смертной казни, но он обязан заплатить пеню за убитого в пользу родственников его (которые троекратно вызываются к суду) или выйти с ними на суд Божий;

3) если тело убитого будет принесено в суд прежде явки оборонявшегося, то он обвиняется в убийстве, влекущем за собою смертную казнь, и чтобы оправдаться, должен представить семь свидетелей своей необходимой обороны. При этом каждый родственник убитого может, отвергнув показание этих семерых свидетелей, требовать суда Божия. Если убивший выйдет из судебного поединка победителем, то обязан только заплатить пеню за убийство и делается свободен от всякого преследования. Но если он будет побежден, то наказывается как убийца злоумышленный.

Необходимая оборона как правовой институт в России существует более десяти столетий. Развитие института необходимой обороны в России также шло непростым путем, он развивался и видоизменялся в зависимости от целого ряда условий, диктуемых существовавшим в разные времена уровнем общественного развития. Метод исторического анализа позволяет выявить тенденции развития отечественного уголовного законодательства и прогнозировать его совершенствование в перспективе.

А. Ф. Кони в своих рассуждениях о необходимой обороне указывает, что «во все периоды нашего законодательства, как древнего, так и нового, существовало понятие о необходимой обороне, и можно ясно видеть, что право это развивалось постепенно и последовательно» [1].

Можно выделить несколько этапов развития данного института в отечественном уголовном законодательстве.

Ряд российских ученых считает, что право необходимой обороны начало зарождаться в древней Руси, с 911 года, когда князь Олег заключил первый договор с Византией, который определял наказание за уголовные преступления, правила ведения судебного процесса и наследования. Так, в договоре содержалась статья, которая предоставляла право хозяину на месте преступления убить вора, который оказывает сопротивление на месте задержания. Ряд ученых придерживался мнения, что право необходимой обороны было переплетено с обычаями кровной мести, что не позволяло выделить ее в отдельный институт (Г. С. Фельдштен) и только с попытками ограничения права мести встречаются отдельные постановления об обороне. Так, в Русской Правде было закреплено право «убить вора на месте преступления». Вместе с тем действия обороняющегося от нападения, угрожающего его жизни, здоровью, телесной неприкосновенности, не были связаны с установлением каких-либо пределов, ограничивающих естественное право защитить себя от грозящей опасности.

Вопрос о необходимой обороне был проработан в Соборном Уложении 1649 г. царя Алексея Михайловича. Допускалось право на необходимую оборону – защиту личности, имущества и чести. Характерной его особенностью было то, что оборона обуславливалась почти исключительно противозаконным нападением. Если на обороняющегося нападали, то он пользовался полным правом защиты себя, вплоть до убийства нападающего. Уложение позволяло оборонять не только свои права, но и права посторонних лиц, не запрещалось убийство вора, пойманного с поличным. При этом Соборное Уложение 1649 г., уделяя регламентации необходимой обороны достаточно большое внимание, не употребляло в то же время понятие «необходимая оборона», по мнению большинства ученых именно в этом законодательном памятнике сформировался в общих чертах институт необходимой обороны, хотя он и не содержал данного понятия.

В дальнейшем российское уголовное право стало тяготеть к принципам немецкого законодательства, сужались рамки права на необходимую оборону, что нашло проявление в реформах Петра I.

Нормативным актом России, где содержались статьи о необходимой обороне, стал Воинский Устав Петра Великого 1715 г., который ограничивал применение необходимой обороны дополнительными требованиями, не вызываемыми необходимостью, ставя обороняющегося в невыгодное положение перед нападающим. Еще более строго к регулированию необходимой обороны подошел Морской Устав 1720 г., который отличался суровыми постановлениями. Тогда впервые появился термин «нужное оборонение» [2]. Наличие обороны обуславливалось тем, что нападение должно быть: противозаконным, насильственным, беспричинным, непосредственно предстоящим или только что начавшимся и требующим мгновенного отражения.

Петровское законодательство не нашло должной поддержки в русском праве. Уложение 1845 г. возвратилось в своих весьма подробных постановлениях об обороне к системе старого русского права.

Необходимая оборона (употребляется термин «самооборона») присутствовала в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Так, обороняющемуся не вменялось в вину причинение ран, увечий или смерти нападающему, если тот сам угрожал жизни, здоровью или свободе обороняющегося, отдельно было прописано, что оборона является необходимой при посягательстве на целомудрие и честь женщины, необходимая оборона позволялась не только для своей защиты, но и защиты других. Решался вопрос и о превышении пределов необходимой обороны – «всякий напрасный сделанный нападавшему, после уже отращения от его грозившей опасности вред» [4, с. 70].

Определенный вклад в развитие института самообороны внес знаменитый юрист Анатолий Федорович Кони, который в 1866 году издал работу «О праве на необходимую самооборону». Кони А. Ф. отмечал, «что убийство является преступлением, когда совершается не для самообороны...», при этом он полагал возможным «наличие самообороны общества от произвола чиновников» [4].

А. Ф. Кони был назначен председателем Санкт-Петербургского окружного суда и 24 января 1878 года приступил к выполнению своих обязанностей, председательствовал по делу В. Засулич. Дело было рассмотрено с участием присяжных заседателей, постановивших оправдательный вердикт.

При рассмотрении дела адвокатом был сделан акцент на жертвенный акт В. Засулич против преступной власти, данный «тезис» был сформулирован из работы А. Ф. Кони. Вердикт присяжных произвел большой общественный резонанс, А. Ф. Кони был снят с должности, дело впоследствии пересмотрено.

В Уголовном уложении 1903 года необходимой обороне было посвящено несколько статей, причем в нем впервые было введено понятие «превышение пределов обороны». При убийстве нападавшего при превышении необходимой обороны предусматривалось заключение на срок не свыше одного года, а при весьма тяжком или тяжком телесном повреждении – арест (без уточнения длительности).

В статье 45 Уголовного уложения необходимая оборона не считалась преступным деянием – «учиненное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личные или имущественные блага самого защищавшегося или иного лица».

В советский период развития уголовного законодательства впервые определение необходимой обороны было дано в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года, так статья 15 предусматривала наличие правомерной необходимой обороны от насилия над личностью лишь при определенных условиях: так не применяется «наказание к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством отражения нападения или средством защиты от насилия над его или других личностью и если совершенное насилие не превышает меры необходимой обороны» [3]. То есть действия обороняющегося признавались преступлением, но не влекли за собой наказание.

В статье 19 УК РСФСР 1922 года – первого УК РСФСР понятие необходимой обороны было несколько расширено: необходимая оборона признавалась правомерной при защите не только личности, но и прав обороняющегося лица,

а также других граждан. Тем самым был сделан еще один шаг вперед в расширении понятия необходимой обороны.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года к причинам необходимой обороны добавил «посягательства на советскую власть и революционный порядок» (статья 13), причем в документе они были указаны перед статьей о защите личности обороняющегося.

Определение необходимой обороны, данное в Основах 1958 года, в неизменном виде было воспринято УК РСФСР 1960 г. (действовал в России до 1 января 1997 года). Так, не являлось преступлением «действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Превышением пределов необходимой обороны признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства».

Главное отличие определения необходимой обороны заключалось в том, что действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, вообще не являются преступлением, тогда как ранее – эти действия лишь не влекли за собой применение наказания.

Согласно пункту 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. При этом часть 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации подчеркивает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

В действующем Уголовном кодексе существует шесть обстоятельств, включающих преступность деяний, в том числе необходимая оборона.

Так, в Уголовном кодексе 1996 года (действует с 1 января 1997 года) необходимой обороне посвящена статья 37 УК РФ, согласно которой причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны не является преступлением.

Изменениями в УК РФ от 8 декабря 2003 года в статью 37 был введен подраздел 1 пункта 2, которым уточнялось, что действия обороняющегося лица не являются превышением пределов необходимой обороны, если это лицо не может из-за неожиданности оценить объективно опасность нападения. 27 июля 2006 года в статью 37 УК РФ было внесено еще одно уточнение, согласно которому положения статьи о необходимой обороне распространялись на всех лиц, «независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения» и от того, мог ли обороняющийся обратиться за помощью к другим лицам, органам власти или избежать самого посягательства [3].

Таким образом, в ходе развития законодательства расширилось понятие уголовно-правовой нормы о необходимой обороне, которая является гарантией реализации конституционных прав граждан. В действующем уголовном законодательстве необходимая оборона рассматривается в качестве одного из

обстоятельств, исключаящих преступность деяния, обеспечивает защиту личности и прав обороняющегося, других лиц, а также защиту охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грачева Ю. В. Голоса из прошлого: актуальность правовых идей. Необходимая оборона: первое специальное исследование (к 150-летию выхода в свет монографии А. Ф. Кони) // История государства и права. 2015. № 1. С. 19–24.

2. Додонов В. Н., Капинус О. С. Необходимая оборона (сравнительный анализ современных уголовных законодательств) // Право и политика. 2005. № 3. С. 125–132.

3. Иванов Н. Г. Модельный уголовный кодекс: Общая часть : монография. М. : Юнити, 2003. 21 с.

4. Кони А. Ф. О праве необходимой обороны. М. : Остожье, 1996. 112 с.

УДК 34

Ярошенко Ольга Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, судья

Нижегородский областной суд

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

olga.yaroshenko.74@bk.ru

Квалификация действий в состоянии необходимой обороны, особенности и практическое значение данного института

В статье рассмотрены вопросы правового регулирования института необходимой обороны. Анализируется ряд правовых проблем, связанных с особенностями квалификации действий в состоянии необходимой обороны. Исследование правовых норм, регулирующих вопросы необходимой обороны, позволяет выявить как положительные, так отрицательные аспекты квалификации действий в состоянии необходимой обороны. Автором исследуется место провокации как повода для совершения противоправных действий. В статье обоснованы предложения, направленные на совершенствование законодательного регулирования необходимой обороны, и значение данного правового института для практики.

Ключевые слова: квалификация, необходимая оборона, провокация, обстоятельства, исключаящие преступность деяния.

Yaroshenko Olga Nikolaevna

candidate of legal sciences, associate professor, judge

Nizhny Novgorod regional court

Nizhny Novgorod, Russian Federation